

Научная статья / Research Article

УДК 94 (47) (571) «19/20»

DOI: 10.36718/2500-1825-2023-3-187-197

Аида Александровна Терскова<sup>1✉</sup>, Елена Евгеньевна Кушнаренко<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

<sup>1</sup> teraida@yandex.ru

<sup>2</sup> lenaeermakova@yandex.ru

## УЧИТЕЛЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ ШКОЛ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

*В конце XIX – начале XX века в Енисейской губернии сложилась сеть начальных учебных заведений, третью часть которых составляли церковно-приходские школы. Начальное обучение в них осуществляли священники, диаконы и дьячки, но постепенно школы заполнялись светскими педагогами. Цель исследования – представить социокультурный портрет учителей церковно-приходских школ Енисейской губернии на рубеже XIX–XX вв., охарактеризовав их численность, сословное происхождение, половозрастной состав, уровень образования и особенности материального положения. Исследование основано на архивных документах и опубликованных материалах, представляющих собой отчеты о состоянии церковно-приходских школ в Енисейской губернии за разные годы. Сравнение учащихся церковно-приходских школ и школ Министерства народного просвещения позволило выявить как общие проблемы, свойственные всей массе педагогов начальных школ в пореформенный период, так и обозначить особенности в социальном, культурном и материальном положении учителей церковных школ. В результате исследования удалось установить, что церковно-приходские школы медленно заполнялись светскими педагогами, не имея достаточного финансирования и не обеспечивая достойного жалования учителям. Другой особенностью было почти полное вытеснение из церковно-приходских школ учителей-мужчин, которые искали более достойного заработка и не шли преподавать в церковную школу. Проблемам материальной обеспеченности учителей церковных начальных школ большое внимание уделял епископ Никон (Бессонов), что привело к некоторому улучшению жизни сельских педагогов.*

**Ключевые слова:** церковно-приходские школы, начальное образование, учителя, образовательный ценз, духовное сословие, Енисейская губерния

**Для цитирования:** Терскова А.А., Кушнаренко Е.Е. Учителя церковно-приходских школ Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в.: социокультурная характеристика // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2023. № 3. С. 187–197. DOI: 10.36718/2500-1825-2023-3-187-197.

Aida Alexandrovna Terskova<sup>1✉</sup>, Elena Evgenievna Kushnarenko<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

<sup>1</sup> teraida@yandex.ru

<sup>2</sup> lenaeermakova@yandex.ru

---

**TEACHERS OF THE YENISEI PROVINCE PAROCHIAL SCHOOLS IN THE  
LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY: A SOCIO-CULTURAL  
CHARACTERISTIC**

*At the end of the 19th – beginning of the 20th century, a network of primary educational institutions developed in the Yenisei Province, a third of which were parochial schools. Primary education in them was carried out by priests, deacons and deacons, but gradually the schools were filled with secular teachers. The purpose of the study is to present a sociocultural portrait of teachers of parish schools in the Yenisei Province at the turn of the 19th – 20th centuries, characterizing their number, class origin, gender and age composition, level of education and financial situation. The study is based on archival documents and published materials, which are reports on the state of parochial schools in the Yenisei Province for different years. A comparison of students in parochial schools and schools of the Ministry of Public Education made it possible to identify both common problems inherent in the entire mass of elementary school teachers in the post-reform period, and to identify features in the social, cultural and material situation of parochial school teachers. As a result of the study, it was possible to establish that parochial schools were slowly filled with secular teachers, lacking sufficient funding and not providing decent salaries to teachers. Another feature was the almost complete exclusion of male teachers from parochial schools, who were looking for a more decent income and did not go to teach in a parochial school. Bishop Nikon (Bessonov) paid great attention to the problems of material security for teachers of parochial elementary schools, which led to some improvement in the lives of rural teachers.*

**Keywords:** *parochial schools, primary education, teachers, educational qualification, clergy, Yenisei Province*

**For citation:** *Terskova A.A., Kushnarenko E.E. Teachers of the Yenisei province parochial schools in the late 19th – early 20th century: a socio-cultural characteristic // Socio-economic and humanitarian journal. 2023. № 3. 187–197. S. DOI: 10.36718/2500-1825-2023-3-187-197.*

**Введение.** Пореформенный период в истории Российского государства характеризовался процессами модернизации, которые проявились не только в технической, научной или экономической сферах, но и привели к значительным социокультурным переменам. Одной из них стало повышение значимости образования для конкретного человека, который имел возможность изменить свой социальный статус и сделать карьеру. Именно увеличение социальной мобильности населения как вертикальное, так и горизонтальное, а также разрушение сословных рамок, отличало конец XIX – начало XX в.

Рост количества начальных учебных заведений во второй половине XIX века и вместе с ним рост учительской интеллигенции был связан как с государственными реформами, так и с общественным

подъемом, направленным на подготовку учителей для народных школ.

Учителя церковно-приходских школ не выступали объектом исследования. По сложившейся традиции конца XIX – начала XX в. исследователи, обеспокоенные низкой грамотностью населения в России, изучали становление системы народного образования и на ее фоне давали характеристику церковно-приходским школам, духовенству и педагогам, преподающим в них. Так как основная масса трудов по истории школы принадлежала перу прогрессивных общественных деятелей, то общественное отношение к церковно-приходским школам изначально формировалось отрицательное, а участие духовенства в образовательном процессе считалось малополезным [1, 2]. Особый интерес к начальным школам и их развитию пришелся на

1910–1920 годы, что было связано с обсуждением в Государственной Думе вопроса о введении всеобщего начального образования в городах империи, а затем после Февральской и Октябрьской революций с кардинальным реформированием всей системы начального образования, создающим единую школу. В этот период наиболее системно дается характеристика учебным заведениям и педагогическим кадрам, в том числе церковным школам в Сибири, Приенисейском регионе и в отдельных городах губернии [3, 4, 5]. Вопросы реформирования церковных школ освещались также на страницах журнала «Енисейские епархиальные ведомости» [6, 7].

В советской исторической науке изучению истории развития церковно-приходских школ внимания не уделялось. Школы по-прежнему рассматривались только в контексте становления системы народного образования, причем церковные школы считались наиболее отсталыми учебными заведениями пореформенной России. Вопрос о педагогических кадрах церковно-приходских школ рассматривался в рамках общей характеристики учителей начальных учебных заведений, либо был проанализирован в связи с проблемой становления российской интеллигенции, среди которой особой группой указаны учителя начальных и средних учебных заведений, однако учителя церковно-приходских школ не относились к учительской интеллигенции [8, 9].

В постсоветский период интерес к системе начального образования и к фигуре учителя возродился с новой силой. Вопросы подготовки педагогических кадров и характеристики учащихся освещены в трудах В.В. Бибиковой, В.И. Федоровой и Г.Ф. Быкони [10, 11]. Особенно хочется отметить фундаментальный труд А.И. Шилова, в котором автор на широком документальном материале анализирует систему начального образования Сибири [12]. В процессе становления системы образования в Восточной Сибири А.И. Шилов, опираясь на советскую ме-

тодологию, выделяет три этапа, давая подробную характеристику политике правительства в образовательном вопросе, различным видам учебных заведений (двуклассным училищам, городским училищам, церковно-приходским школам, железнодорожным и частным школам) и педагогическим кадрам на каждом этапе развития. Выводы, к которым приходит историк, во многом совпадают с советской исторической школой.

Значительный вклад в изучение учительской интеллигенции в Енисейской губернии, ее значимости для сельского населения и способам взаимодействия учителя и сельчан посвящены работы В.И. Федоровой [13, 14]. Автор в своих рассуждениях основывается на культурно-антропологическом подходе к истории, подробно рассматривая социокультурный портрет сельского учителя, сравнивая его с учителями средних учебных заведений, проживающих в городах.

Вопросы о количестве церковно-приходских школ и отношении к ним прихожан отмечены в работах, посвященных исследованию духовного сословия Российской империи и истории церкви Синодального периода, однако анализа педагогического состава школ в них не приводится [15, 16, 17]. В последнее время появились работы краеведов, которым удалось воссоздать историю отдельных приходов Приенисейского региона, дать характеристику начальным учебным заведениям в приходе, количеству учащихся, восстановить имена некоторых учителей [18, 19].

Таким образом, вопрос о педагогических кадрах церковно-приходских школ Енисейской губернии освещен недостаточно подробно и требует значительно большего внимания.

**Цель исследования.** Охарактеризовать социокультурные особенности учителей церковно-приходских школ в 80-е годы XIX – начале XX в. в сравнении с учителями министерских школ, что позволит более ярко выделить общие и отличные черты среди учительской интеллигенции начала XX в.

**Материалы и методы исследования.** В основу исследования положены опубликованные отчеты по церковно-приходским школам Енисейской губернии за 1888–1889, 1896–1897, 1912–1913 и 1913–1914 гг., а также документы Государственного архива Красноярского края, касающиеся делопроизводственной практики по отдельным школам, отчет за 1917 г., поданный местным органам власти [20, 21, 22, 23, 24]. Работа основывается на принципах историзма и объективности, а также строится на сравнительно-историческом методе, который позволил выявить наиболее существенные социокультурные отличия учителей церковно-приходских школ в Приенисейском регионе.

**Результаты исследования и их обсуждение.** Начальное образование в Российской империи до Октября 1917 г. не было всеобщим. Грамотность населения в Енисейской губернии по переписи 28 января 1897 г. составляла 13,6 %, это на 2 % выше, чем средняя грамотность по Восточной Сибири. Среди мужчин 20 % были грамотны, среди женщин – 6,7 % [12, с. 163]. Потребность в школах была большая. Рост начальных школ наблюдался в Сибири, как и по всей России, в пореформенный период. Особенно быстро школы стали возникать в последней четверти XIX в. «В Сибири с 1854 по 1888 г. было открыто 757 начальных училищ, а с 1889 по 1906 г. – еще 3890 школ» [5, с. 13]. Д.Г. Жолудев подчеркивал, что школьная система в Приенисейском регионе начала складываться только в конце XIX в. [8, с. 47]. Решить проблему грамотности сельского населения должны были два ведомства: Министерство народного просвещения и Синод.

Церковно-приходские школы по распоряжению правительства стали открывать с 1804 г. как низшее звено сельских школ. Подобное распоряжение вновь последовало в 1836 г. Основываясь на нем, епархиальные архиереи создавали школы при церквях и монастырях. Однако, как подчеркивал Н.В. Чехов, к середине XIX в. все школы подобного

типа уже были закрыты. «Таким образом, две попытки правительства организовать дело народного образования при посредстве духовенства потерпели полную неудачу. Гораздо большее значение в истории русской народной школы имела третья попытка организации церковно-приходских школ, рядом со школами Министерства народного просвещения» [2, с. 93–94]. Новый указ 1884 г. о создании церковно-приходских школ передал приходские школы и школы грамоты в ведение Синода.

Первые церковно-приходские школы в регионе возникли в 30–40-е гг. XIX в. – это Частоостровский приход, села Сухобузимское, Нахвальское, Погорельское [10, с. 160]. В 1871 г. в Енисейской губернии на 170 приходов приходилось всего 5 приходских школ [25, л. 163]. 13 июня 1884 г. был утвержден «Устав церковно-приходской школы» (ЦПШ). Данный тип школ имел целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания. Современные исследователи, опираясь на мнение дореволюционных и особенно советских историков, подчеркивают, что церковно-приходские школы были результатом реакционной политики правительства и обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева [15, с. 78; 16, с. 124]. Церковные школы, скорее, воспитывали, а не образовывали сельское население. Вместе с тем хочется отметить, что структура церковно-приходских школ, создаваемая как тупиковая система начального образования, так как после ее окончания невозможно было поступить на следующую ступень обучения, к началу XX в. видоизменилась и подстроилась ближе к населению, решая собственные проблемы.

В 1888–1889 гг. (пятый год существования школ) церковно-приходских школ в епархии насчитывалось 69, а школ грамоты – 24 [20, с. 8]. К 1897 г. в Енисейской губернии действовали 108 ЦПШ, охватывающих около половины приходов. По данным однодневной



школьной переписи 18 января 1911 г., церковно-приходские школы составляли в Восточной Сибири 35,4 % от общего количества образовательных учреждений [5, с. 142]. В 1912 г. уже насчитывалось 212 церковных школ в 315 приходах [26, л. 141; 27, л. 111].

Церковно-приходские школы были нескольких видов: однокомплектные, двухкомплектные, трехкомплектные (обучение в них длилось 2–4 года, а комплекты определяли количество классов); двухклассные (обучение 5–6 лет, включало в себя дополнительные предметы в старшем отделении) и второклассные школы (готовили учителей для школ грамоты, срок обучения в них составлял 3 года) [22, с. 9]. К январю 1916 г. в регионе было 226 ЦПШ, что составляло треть от общего количества начальных учебных заведений, основную массу среди которых представляли школы Министерства народного просвещения, которых было 555 [3, с. 13–14]. Через год в Енисейской губернии действовали 242 церковные школы, причем в городах только 15, остальные располагались в сельской местности. Большинство школ к 1917 г. оставались одноклассными и однокомплектными (70 %), а срок обучения в них был определен 3 года. Ряд школ были двухкомплектные и трехкомплектные, срок обучения в них был увеличен до 4 лет. В одноклассной церковно-приходской школе преподавали Закон Божий, церковное пение, славянский язык, чтение, правописание, арифметику [24, л. 33, 35; 22, с. 96–100].

Количество двухклассных церковно-приходских школ за пять лет с 1912 по 1917 г. увеличилось с 14 до 24. После окончания двухклассной школы можно было продолжать образование в учительской семинарии. Эти школы были очень востребованы среди населения. В двухклассных школах преподавали Закон Божий, пение, русский язык, арифметику, историю, географию, естествознание, геометрию, рукоделие [22, с. 97–100]. Также в церковном ведомстве работали учительские школы в Ачинске, Красно-

ярске и Минусинске, которые готовили преподавателей для церковно-приходских школ [24, л. 33, 35]. В начале XX в. церковно-приходские школы, подстраиваясь под потребности общества и не желая терять учеников, становились более светскими, в них расширялась предметная программа, увеличился срок обучения, они наполнились светскими педагогами, даже Закон Божий в некоторых школах передали для преподавания светским лицам по примеру министерских школ [24, л. 37].

Среди всех губерний Сибири по количеству церковно-приходских школ лидировала Томская губерния, в которой их насчитывалось к 1913 г. 1086 ед. Енисейская губерния занимала пятое место среди сибирских регионов по числу ЦПШ, деля место с Иркутским регионом [17, с. 102].

Структура церковно-школьного аппарата, контролирующего работу начальных учебных заведений, состояла из Епархиального училищного совета и его уездных окружных отделений, а также школьной инспекции, возглавлял которую епархиальный наблюдатель. На рубеже веков эту должность занимали протоиерей Михаил Лотоцкий, Леонид Смирнов, Николай Асташевский. Приходские священники заведовали хозяйственной частью школ, руководили учебно-воспитательным процессом, выполняли обязанности законоучителей и учителей пения. Иногда диаконы брали на себя учительские труды.

Несмотря на количественный рост церковно-приходских школ в губернии, процент детей, получающих в них образование, был невелик. В Енисейских епархиальных ведомостях за 1884 г. сообщалось, что к 1884 г. в губернии 50 начальных училищ с 1479 учащимися (сюда же относились и школы Министерства народного просвещения). Грамоте обучались только 2,34 % детей школьного возраста [6, с. 60–61]. Рост числа школ в регионе в конце XIX – начале XX в. привел к тому, что в школах к 1915 г. обучались уже 43,3 % детей

школьного возраста, а общая численность учащихся составляла в министерских школах 33 091 человек, в церковно-приходских – 11 464 человека. Таким образом, в министерских школах количество детей в три раза было больше, чем в церковно-приходских школах, которые охватывали только 11 % учащихся [3, с. 1]. Этот факт, безусловно, свидетельствовал о том, что министерская школа развивалась успешней, чем школа церковного ведомства.

Главная проблема, с которой сталкивались церковные школы в 80–90-е годы XIX в. – это нехватка светских педагогов. Так, в 1888–1889 гг. светских учителей в школах данного типа было всего 25 человек, тогда как представителей клира в 64 учебных заведениях трудилось 78 человек [20, с. 9–10]. Церковно-служители составляли 44 % педагогов по общеобразовательным предметам. Уровень образования педагогов в 80-е годы XIX в. в данных школах был низкий, только треть из священников имела законченное семинарское образование, а светские учителя, как правило, вообще не имели педагогического образования, заканчивая военную гимназию, духовное училище, народное или уездное училище [20, с. 11–12].

В 90-е годы XIX в. ситуация в церковных школах по-прежнему не менялась, количество светских педагогов составляло только 31 % в 1893 г. и 35 % в 1897 г., а остальные 69–65 % учителей являлись представителями клира [28, л. 12–15; 21, с. 24]. Однако к концу XIX в. сформировалась тенденция, свойственная всем педагогическим кадрам в регионе: учительниц среди светских преподавателей стало больше, чем учителей (22 учителя и 46 учительниц в ЦППШ) [21, с. 24]. Такая закономерность обозначилась в министерской школе значительно раньше, чем в церковно-приходской.

Церковно-приходская школа стала заполняться светскими педагогами лишь в начале XX в. По социальному происхождению учителя ЦППШ принадлежали к мещанам, разночинцам, были выход-

цами из сельского духовенства, крестьян, казачества. Больше половины учителей начальной школы были в возрасте от 20 до 30 лет, а 24 % учащихся были моложе 20 лет [14, с. 28]. Педагогический персонал в церковных школах в 1904 г. составлял 244 человека, не считая клира [7, с. 481]. К 1913–1914 гг. количество учителей в церковно-приходских школах губернии увеличилось с 272 до 288 человек. Причем учителя составляли 22 %, а учительницы – 78 % преподавателей [23, с. 136]. Учительниц в церковных школах было значительно больше, чем в школах министерских, где в 1908 г. учительницы составляли 39,5 %, а в 1915 г. – 64,4 % [3, с. 13–14; 12, с. 196–197]. К 1917 г. общеобразовательные предметы в церковных школах вели 348 педагогов, среди которых было 82 % женщин и 16 % мужчин [24, л. 33, 35]. Женщины-учительницы вытеснили мужчин из церковно-приходской школы, чему было несколько причин: во-первых, основную массу педагогических кадров для церковных школ готовили Епархиальное женское училище, светская школа (Красноярская второклассная учительская школа) и женская гимназия; во-вторых, работа в школе данного типа не пользовалась популярностью у мужчин из-за низкого заработка.

Характеризуя выпускников различных учебных заведений, которые попадали работать в приходские школы, епархиальный наблюдатель отмечал, что из второклассных школ выходили неплохие педагоги, но не везде были дополнительные педагогические классы, и у выпускников было недостаточно практики [23, с. 137]. Из Епархиального женского училища, где срок обучения увеличили до 7 лет и действовали подготовительные классы, учительницы выходили робкие, неопытные, со слабыми теоретическими и методическими знаниями. Они, по мнению епархиального начальства, были не любознательны и не стремились развиваться. Епархиальное женское училище выпускало по преимуществу девочек из семей духовного сосло-

вия, но в церковно-приходские школы шли работать самые слабые выпускницы, а не лучшие кадры училища [23, с. 138]. Из классической женской гимназии выходили педагоги, хорошо преподающие русский и арифметику, однако плохо знающие славянский и пение [23, с. 138]. Дольше всего оставались трудиться учителями выпускники второклассных учительских школ и городских училищ, вышедшие из податных сословий. Для них заработок учителя церковно-приходской школы являлся средним, а найти другое место работы при низком образовательном цензе было сложно. Выпускники учительской и духовной семинарий очень быстро уходили на другие места службы [22, с. 133–134]. Самые худшие педагоги выпускались из прогимназий, так как закон им разрешал работать учителями, но они не сдавали специального экзамена и не имели полного курса по некоторым предметам [22, с. 135].

Уровень образования у учителей министерских школ был выше, чем у церковно-приходских школ. В министерские школы в начале XX в. шли в основном выпускники учительских семинарий, а количество педагогов со средним педагогическим образованием колебалось от 35 до 75 %, тогда как в школах церковно-приходских педагоги со средним профессиональным образованием составляли от 44 до 20 % в разные годы [12, с. 196–197; 23, с. 136; 3, с. 14; 24, л. 35].

Невысокий образовательный уровень учителей епархиальное начальство старалось компенсировать различными совещаниями и съездами церковно-школьных деятелей, которые давали возможность обмениваться опытом, открытием в уездах учительских библиотек. Особенно активно эта работа началась при епископе Никоне [22, с. 137, 140; 23, с. 190]. Однако большие трудности возникали из-за частой смены педагогов и оттока педагогических кадров из церковных школ. Учителя не задерживались на одном месте более 3–4 лет, тогда как около 2 лет было необходимо для приоб-

ретения педагогического опыта. Так, в 1912–1913 гг. 43,3 % учителей церковных школ проработали на одном месте от 1 года до 3 лет и только 19 % педагогов преподавали в школах от 5 до 10 лет [22, с. 123]. Эта текучесть кадров была свойственна и министерским школам: «Малоопытные учителя, прослужившие до трех лет, составляли 60,6 %» [12, с. 146]. Епархиальный наблюдатель писал: «Большинство учителей, три года отработав в школе, спешат покинуть школу ради другого образа жизни. В министерских училищах высок процент мужчин, и здесь остаются работать педагогами всю жизнь» [23, с. 137]. Учительницы, по мнению начальства, ставили своей задачей удачно выйти замуж, а, вступив в брак, покидали место работы. Епархиальный совет оставлял на местах замужних преподавательниц, но это не изменяло ситуацию с частой сменой педагогов. Как правило, замужняя учительница переезжала вслед за супругом, теряя место службы. Она была обременена домом и семьей, и это также становилось причиной ухода со службы. Еще одним основанием покинуть школу был очень низкий заработок, который не позволял содержать семью на зарплату учительницы. Ситуация несколько улучшилась в 1917 г., что связано было с Первой мировой войной, мобилизацией и некоторым улучшением материального положения учителей церковно-приходских школ: 60 % учителей проработали в школе сроком до 5 лет, а 23 % трудились в приходских школах около 10 лет [24, л. 37].

Материальное положение учителей церковно-приходских школ играло большую роль в становлении этого типа учебных заведений. Священники в 80-е годы XIX в. преподавали Закон Божий бесплатно, либо за незначительную плату. Учителя нескольких школ, содержащихся на средства частных жертвователей, получали жалование 100–120 руб. в год, но, как правило, крестьянское общество выносило приговор о содержании учителя натурой, либо за небольшую плату, а наиболее бедные приходы отка-

зывались оплачивать труд учителя до более благополучных времен. Уездные наблюдатели в случае отказа в жаловании от общества просили пособие от училищного совета для содержания учителей. В среднем жалование в 1888–1889 гг. составило 61 руб. 76 коп. в год [20, с. 14–17].

В 1890-е годы наблюдался рост заработной платы учителей в регионе. Жалование учителя зависело от образовательного ценза, стажа работы, типа школы, выполняемых обязанностей. У мужчин оплата была несколько выше, чем у женщин. Учительницы министерских школ получали 350–450 руб., учителя-мужчины – 350–600 руб. [12, с. 201]. Жалование преподавателей церковных школ также зависело от многих факторов и варьировалось от 144 до 360 руб. в год, средняя сумма по губернии составляла 164 руб. [21, с. 26]. Таким образом, жалование учителя церковно-приходской школы было в 2 раза меньше, чем зарплата педагога министерской школы.

В начале XX в. жалование учителя ЦПШ немного возросло. Учителя церковных школ со средним образованием получали 360 руб. в год, имеющие свидетельство на звание учителя – 240–270 руб., не имеющие свидетельства – 180 руб. в год [7, с. 482]. В связи с увеличением государственного финансирования церковно-приходских школ в предвоенное время содержание учителей было увеличено до 480 руб. в год [22, с. 132]. Однако педагоги основной массы церковных школ не имели надбавок за выслугу лет и пенсии, как преподаватели министерских школ.

Большое значение для преподавателей церковных школ имело решение квартирного вопроса, особенно этому способствовал епископ Никон (Бессонов). В 1912 г. квартиры для преподавателей имелись только в 1/3 школ. Большинство учителей, приезжая в село, отказывались жить при школах из-за удаленности школы от села и из-за дороговизны заводить собственное хозяйство. Выгоднее было снимать комнату у зажи-

точных крестьян со столом при сумме расходов 8–12 руб. в месяц. Многие крестьяне дорожили интеллигентными жильцами не ради барыша, а ради удовольствия пользоваться их общением. Появление в селах в начале XX в. других интеллигентных работников – агрономов, инструкторов, типографов, врачей и фельдшеров – создало кризис в квартирном вопросе. За комнату со столом требовали уже не 10, а 20 руб., а в некоторых местах невозможно было найти удобной квартиры за любую цену [22, с. 34–35]. В переселенческих поселках учителя вынуждены были снимать «угол» в одном помещении со всей крестьянской семьей. Инспектора подчеркивали, что наличие квартир при школе необходимо не только учителям, но и детям, которые до начала уроков остаются без присмотра. Епископ Никон предложил всем учителям, не имеющим квартиры, с марта 1913 г. выплачивать квартирное пособие из церковных сумм с одобрения благочиннических съездов духовенства. Через год вопрос с квартирами для учителей улучшился: не имели квартирного пособия и не получали квартир только 20 % учителей, тогда как в предыдущем году эта цифра доходила до 70 % [23, с. 143]. Таким образом, материальное положение учителей церковно-приходских школ в начале XX в. несколько улучшилось с ростом заработной платы и решением квартирного вопроса.

**Заключение.** На рубеже XIX–XX веков церковно-приходские школы из традиционных учебных заведений, находящихся под контролем православного причта, постепенно превращались в учебные заведения с широким перечнем общеобразовательных предметов, откликающаяся на потребности времени, а духовенство уходило от преподавательской работы в школах. В этот же период школы наполнились светскими педагогами, преимущественно девушками и молодыми женщинами, которые имели среднее образование или звание учительницы. Материальное обеспечение учителей приходских школ было худшим по срав-



нению со школами ведомства народного просвещения, что приводило к частой смене педагогов, отличающихся незначительным опытом и низкой квалификацией. Епархиальное начальство старалось сделать церковно-приходскую школу более привлекательной, решало квартирный вопрос для учащихся. Безусловно, церковно-приходские школы требо-

вали дальнейшей модернизации, а объединение их в 1917 г. со школами Министерства народного просвещения во многом послужило на пользу населению, формируя единую систему народной школы, прекратив соперничество двух ведомств, сплотив учительские кадры региона.

### Список источников

1. *Вахтеров В.П.* Нравственное воспитание и начальная школа. М.: Русская мысль, 1901. 241 с.
2. *Чехов Н.В.* Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М.: Польза, 1912. 224 с.
3. *Березовский Н.П.* О состоянии начального образования в Енисейской губернии за 1915 год. Общие сведения. Красноярск, 1916. 57 с.
4. *Оносовский А.* Начальные школы г. Красноярска: краткий историко-статистический очерк (до августа 1913 г.). Красноярск, 1914. 76 с.
5. *Юрцовский Н.С.* Очерки по истории просвещения в Сибири. Вып. 1. Общий ход развития школьного дела в Сибири. 1703–1917 гг. Ново-Николаевск, 1923. 250 с.
6. *Савенков И.* Несколько слов о народном образовании в связи с религиозно-просветительским делом в епархии // Енисейские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1884. № 4. С. 54–71.
7. *Оносовский А.* Краткие заметки о церковных школах Енисейской епархии за 1904 год в связи с предполагаемым введением земств в Сибири // Енисейские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1905. № 18. С. 473–487.
8. *Жолудев Д.Г.* Краткая история школ Красноярского края (до Великой Октябрьской социалистической революции). Енисейск, 1961. 155 с.
9. *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М.: Мысль, 1971. 367 с.
10. *Бибикова В.В.* Роль частной и общественной инициативы в развитии образования Енисейской губернии в XIX – начале XX века. Красноярск: Офсет, 2004. 204 с.
11. Очерки истории народного образования Красноярского края (XVII – начало XXI в.) / *Г.Ф. Быконя, В.И. Федорова, С.Н. Ценюга* [и др.]. Красноярск: Литера-Принт, 2014. 580 с.
12. *Шилов А.И.* Начальное образование Восточной Сибири конца XIX – начала XX в. Красноярск: Изд-во КГПИ им. В.П. Астафьева, 2012. 720 с.
13. *Федорова В.И.* Школа – учитель – общество. Из истории народного образования Енисейской губернии XIX – начало XX в. Красноярск, 2015. 244 с.
14. *Федорова В.И.* Учителская интеллигенция Енисейской губернии на рубеже XIX–XX веков: социокультурная характеристика // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2017. № 5 (182). С. 27–33.
15. *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М.: Новый хронограф, 2002. 253 с.
16. *Федоров В.А.* Русская Православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М.: Русская панорама, 2003. 480 с.

17. Харченко Л.Н. Православная церковь в культурном развитие Сибири (вторая половина XIX – февраль 1917 г.): очерки истории. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2005. 510 с.
18. Кравченко Р.А. Каратуз православный // Сибирский крест: историко-публицистический альманах. Красноярск: Восточная Сибирь, 2021. Вып. 1. С. 126–299.
19. Храм Вознесения Господня деревни Бугачево Красноярской епархии (материалы подготовлены к 125-летию храма) / авт.-сост. Н. Трубленко (Кочергина), В. Гордова. Красноярск: Палитра, 2020. 79 с.
20. Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамотности Енисейской епархии за 1888/1889 учебный год. Красноярск: Типография Ал.Д. Жилина, 1890. 32 с.
21. Отчет о состоянии церковно-приходских школ Енисейской епархии за 1896/1897 учебный год. Красноярск: Типография Ал.Д. Жилина, 1898. 51 с.
22. Отчет о состоянии церковно-приходских школ Енисейской епархии в 1912/1913 учебном году. Красноярск: Типография Епархиального Братства, 1914. 201 с.
23. Отчет о состоянии церковно-приходских школ Енисейской епархии в 1913/1914 учебном году. Красноярск: Типография Епархиального Братства, 1914. 217 с.
24. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 904. Оп. 1. Д. 307.
25. ГАКК. Ф. 297. Оп. 1. Д. 104.
26. ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 7982.
27. ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4827.
28. ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4430.

## References

1. Vakhterov V.P. Nравstvennoe vospitanie i nachal'naya shkola. M.: Russkaya mysl', 1901. 241 s.
2. Chekhov N.V. Narodnoe obrazovanie v Rossii s 60-kh godov XIX veka. M.: Pol'za, 1912. 224 s.
3. Berezovskii N.P. O sostoyanii nachal'nogo obrazovaniya v Eniseiskoi gubernii za 1915 god. Obshchie svedeniya. Krasnoyarsk, 1916. 57 s.
4. Onosovskii A. Nachal'nye shkoly g. Krasnoyarska: kratkii istoriko-statisticheskii ocherk (do avgusta 1913 g.). Krasnoyarsk, 1914. 76 s.
5. Yurtsovskii N.S. Ocherki po istorii prosveshcheniya v Sibiri. Vyp. 1. Obshchii khod razvitiya shkol'nogo dela v Sibiri. 1703–1917 gg. Novo-Nikolaevsk, 1923. 250 s.
6. Savenkov I. Neskol'ko slov o narodnom obrazovanii v svyazi s religiozno-prosvetitel'skim delom v eparkhii // Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti. Otdel neofitsial'nyi. 1884. № 4. S. 54–71.
7. Onosovskii A. Kratkie zametki o tserkovnykh shkolakh Eniseiskoi eparkhii za 1904 god v svyazi s predpolagaemym vvedeniem zemstv v Sibiri // Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti. Otdel neofitsial'nyi. 1905. № 18. S. 473–487.
8. Zholudev D.G. Kratkaya istoriya shkol Krasnoyarskogo kraya (do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii). Eniseisk, 1961. 155 s.
9. Leikina-Svirskaya V.R. Intelligentziya v Rossii vo vtoroi polovine XIX v. M.: Mysl', 1971. 367 s.
10. Bibikova V.V. Rol' chastnoi i obshchestvennoi initsiativy v razvitii obrazovaniya Eniseiskoi gubernii v XIX – nachale XX veka. Krasnoyarsk: Ofset, 2004. 204 s.
11. Ocherki istorii narodnogo obrazovaniya Krasnoyarskogo kraya (XVII – nachalo XXI v.) / G.F. Bykonya, V.I. Fedorova, S.N. Tsenyuga [i dr.]. Krasnoyarsk: Litera-Print, 2014. 580 s.

12. Shilov A.I. Nachal'noe obrazovanie Vostochnoi Sibiri kontsa XIX – nachala KHKH v. Krasnoyarsk: Izd-vo KGPI im. V.P. Astaf'eva, 2012. 720 s.
13. Fedorova V.I. Shkola – uchitel' – obshchestvo. Iz istorii narodnogo obrazovaniya Eniseiskoi gubernii XIX – nachalo KHKH v. Krasnoyarsk, 2015. 244 s.
14. Fedorova V.I. Uchitel'skaya intelligentsiya Eniseiskoi gubernii na rubezhe XIX–XX vekov: sotsiokul'turnaya kharakteristika // Vestnik TGPU (TSPU Bulletin). 2017. № 5 (182). S. 27–33.
15. Leont'eva T.G. Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale KHKH v. M.: Novyi khronograf, 2002. 253 s.
16. Fedorov V.A. Russkaya Pravoslavnaya tserkov' i gosudarstvo. Sinodal'nyi period. 1700–1917. M.: Russkaya panorama, 2003. 480 s.
17. Kharchenko L.N. Pravoslavnaya tserkov' v kul'turnom razvitie Sibiri (vtoraya polovina XIX – fevral' 1917 g.): ocherki istorii. SPb.: Izd-vo Politekh. un-ta, 2005. 510 s.
18. Kravchenko R.A. Karatuz pravoslavnyi // Sibirskii krest: istoriko-publitsisticheskii al'manakh. Krasnoyarsk: Vostochnaya Sibir', 2021. Vyp. 1. S. 126–299.
19. Khram Vozneseniya Gospodnya derevni Bugachevo Krasnoyarskoi eparkhii (materialy podgotovleny k 125-letiyu khrama) / avt.-sost. N. Trublenko (Kochergina), V. Gordova. Krasnoyarsk: Palitra, 2020. 79 s.
20. Otchet o sostoyanii tserkovno-prikhodskikh shkol i shkol gramotnosti Eniseiskoi eparkhii za 1888/1889 uchebnyi god. Krasnoyarsk: Tipografiya Al.D. Zhilina, 1890. 32 s.
21. Otchet o sostoyanii tserkovno-prikhodskikh shkol Eniseiskoi eparkhii za 1896/1897 uchebnyi god. Krasnoyarsk: Tipografiya Al.D. Zhilina, 1898. 51 s.
22. Otchet o sostoyanii tserkovno-prikhodskikh shkol Eniseiskoi eparkhii v 1912/1913 uchebnom godu. Krasnoyarsk: Tipografiya Eparkhial'nogo Bratstva, 1914. 201 s.
23. Otchet o sostoyanii tserkovno-prikhodskikh shkol Eniseiskoi eparkhii v 1913/1914 uchebnom godu. Krasnoyarsk: Tipografiya Eparkhial'nogo Bratstva, 1914. 217 s.
24. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia (GAKK). F. 904. Op. 1. D. 307.
25. GAKK. F. 297. Op. 1. D. 104.
26. GAKK. F. 674. Op. 1. D. 7982.
27. GAKK. F. 674. Op. 1. D. 4827.
28. GAKK. F. 674. Op. 1. D. 4430.

Статья принята к публикации 13.06.2023/  
The article has been accepted for publication 13.06.2023.

Информация об авторах:

**Аида Александровна Терскова**, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций, кандидат исторических наук, доцент

**Елена Евгеньевна Кушнарченко**, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций, кандидат исторических наук, доцент

#### Information about the authors:

**Aida Alexandrovna Terskova**, Associate Professor at the Department of History of Russia, World and Regional Civilizations, Candidate of Historical Sciences, Docent

**Elena Evgenievna Kushnarenko**, Associate Professor at the Department of History of Russia, World and Regional Civilizations, Candidate of Historical Sciences, Docent

